

Проблема адаптации социума к экологическим изменениям

Ю. В. Хен

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

hen@iph.ras.ru

Анализируются три базовых стратегии адаптации социума к неблагоприятным изменениям среды обитания человечества: природоохранные мероприятия, агрессивная демографическая политика и трансгуманизм. Показано, что на сегодняшний день идеи трансгуманизма еще очень далеки от реального воплощения. Защитники природы уже неоднократно терпели фиаско и демонстрировали свое бессилие перед потребительским отношением к природе. На этом основании делается вывод, что единственная реальная надежда на предотвращение экологической катастрофы сегодня связана с ведением агрессивной демографической политики, ориентированной на управление не только количеством, но и качеством народонаселения.

Ключевые слова: евгеника; экология; статистика; качественная демография; адаптация; вырождение; трансгуманизм.

The Problem of Social Adaptation to Environmental Changes

Ju. V. Khen

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

hen@iph.ras.ru

In the face of the environmental crisis the author justifies the need to take special measures for the adaptation of society to adverse changes of human environment. The author analyzes several strategies worked out in this field: environmental awareness, aggressive population policy and transhumanism, and demonstrates that today the idea of transhumanism is still far from realization, while ecology has already shown that it was not in a position to control the consciousness of the masses and overcome consumer attitude towards nature. Therefore, in the author's view, the only real hope lies with maintaining an aggressive population control policies not only in quantity, but also in quality of the population.

Keywords: eugenics; ecology; statistics; demography; demography adaptation; transhumanism.

Что отличает человека от других животных и делает его уязвимым по отношению к экологическим невзгодам? Почему другие животные существуют в гармонии

с природой, тогда как человек, кажется, не способен не разрушать собственную среду обитания? Какой фактор, помимо двойственной биосоциальной природы,

© Хен Ю. В.

делает человека настолько иным, что его жизнедеятельность оборачивается для природы вредоносной, разрушительной силой? Таким отличием, на наш взгляд, является разум, который с точки зрения выживания вида представляется совершенно *избыточным* эволюционным приобретением. Конечно, на первых порах разум способствует более успешному выживанию и размножению вида. Но обратной стороной этого «бонуса» является стремительное освоение и уничтожение ресурсов окружающей среды, а также исключение человека из всеобщей пищевой цепочки и, в итоге, превращение его в моновид, не имеющий естественных врагов и не участвующий в естественном отборе. Фактически это означает выпадение человека из всепланетного биоценоза. Таким образом, мы постепенно превращаемся в чужаков для собственной планеты и ведем себя так, словно пребываем на «территории команчей», т. е. земле, которую можно беззастенчиво грабить, поскольку *потом* мы собираемся уйти в другое место. Только в данном случае никакого «потом», так же как и никаких «других мест», у нас не будет. Уже сегодня, по словам Д. И. Дубровского, «мы видим, как усиливается взаимозависимость экологической, энергетической, демографической и других глобальных проблем, как они углубляют социальные и экономические проблемы современности, создавая нарастающую угрозу антропологической катастрофы» [1, с. 217].

Время существования на Земле других биологических видов насчитывает десятки и сотни миллионов лет. А вымирают они, как правило, в результате «космических» катастроф, т. е. по *объективным*, внешним причинам. Человечество существует (по наиболее взвешенным оценкам) всего только 200 тыс. лет, но мы уже единодушно признаем, что наша цивилизация стоит на краю пропасти,

и пропасть эта — рукотворная. Экологический кризис, истощение ресурсов, вырождение, накопление генетических дефектов, угроза ядерной войны и т. д. — все это признаки надвигающейся катастрофы, причиной которой является разум, ускоритель всех процессов (в первую очередь, конечно, социальных, но не только), а также источник разнообразных техногенных угроз. При таком положении вещей человечество не может позволить себе пассивно ожидать будущего, в надежде, что все как-нибудь разрешится само собой. Необходимо принять специальные меры адаптации социума к стремительному изменению среды обитания человечества.

Евгеника как «научный» ответ на факт вырождения человечества. Следует отметить, что эта идея не нова. Именно с таким лозунгом около двухсот лет назад выступали первые представители «научной» евгеники, единомышленники и последователи Френсиса Гальтона, опиравшиеся в своих рассуждениях на выводы из эволюционной теории Ч. Дарвина. Не останавливаясь подробно на истории движения (ибо этот вопрос достоин отдельного рассмотрения), напомним только, что базис евгеники строился на дарвиновском тезисе о значении естественного отбора для поддержания вида в постоянном «тонусе», поскольку именно борьба за существование, по Ч. Дарвину, обеспечивает выживание наиболее приспособленных особей, а также регулирует численность популяции. Однако человеческое общество, с его нравственными императивами, требующими сострадания к ближним, с его социальными программами помощи неимущим и с его медициной, дающей возможность выжить физически неполноценным, ограждает неблагополучных особей от «благотворного» воздействия естественного отбора. По подсчетам евгенистов, давление естественного отбора

в социуме оказывается в 10 раз слабее, чем в природе. Это и приводит к непомерному разрастанию населения и ко всему тому неблагоприятию (некоторые говорят о катастрофе), с описания которого начинается данная статья. Этим доводом обосновывается необходимость прекратить бесконтрольное размножение людей и ввести искусственный отбор там, где естественный перестал работать.

Как уже было сказано, с этим лозунгом выступала в XIX в. молодая евгеника, судьба которой сложилась не очень счастливо. Пострадало и даже погибло множество людей, что привело к тому, что на многие годы евгеническая тематика попала под запрет. Но проблемы, которые обсуждались тогда, сами собой не разрешились и с течением времени только обострились. Поскольку, как известно, благодаря успехам медицины и медицинской техники, население земного шара в течение XX в. выросло многократно и продолжает увеличиваться, а недалёковидные правительства («евгенически неграмотные», как сказал бы основатель Русского евгенического общества выдающийся российский биолог Н. К. Кольцов [2]) продолжают поощрять население к усиленному деторождению. К сожалению, ресурсы любой экосистемы не безграничны. Очень похоже, что сегодня мы вплотную подошли к пределу, за которым гибель человеческой цивилизации выглядит вполне реальной. Как представляется, настало самое подходящее время для того, чтобы воспользоваться тем эволюционным преимуществом, которое нам обеспечивает наличие разума, и попробовать найти *разумный* выход из сложившегося положения. Успех на этом пути будет означать, среди прочего, что возникновение разума изначально было не избыточно щедрым подарком эволюции, но примером преадаптации, т. е. появления

такого свойства или способности, которое даёт эволюционное преимущество не в момент своего формирования, а в будущем, когда условия существования вида изменятся.

Современные стратегии выживания. Адаптация человечества к изменившимся условиям среды допускает несколько стратегических решений. Наиболее очевидным является система *природоохран-ных мероприятий*, введение строжайшего экологического контроля за эксплуатацией природных ресурсов и борьба с загрязнением окружающей среды. Для подавляющего большинства населения этими инициативами исчерпываются экологические мероприятия, а охрана природы является синонимом экологии. Однако это далеко не так, и сегодня ограничиваться только этими мерами уже поздно: как показывают некоторые исследования, даже если полностью остановить промышленное производство и вернуться к пещерному образу жизни, восстановить былое разнообразие земной биоты уже не удастся. Противостояние экологическому кризису требует ещё и изменения демографической политики, ведения грамотной *качественной демографии*. Но, возможно, и для этого уже слишком поздно, поскольку, если не прибегать к крайним мерам, сокращение населения до оптимальных двух миллиардов (теория «золотого миллиарда») займет столько времени, сколько земной биосфере не продержаться. В таком ракурсе теории, разрабатываемые в рамках *трансгуманизма*¹, уже не выглядят праздной забавой повзрослевших, но не расставшихся с детством адептов фантастического

¹ «Трансгуманизм — философская концепция и международное движение, поддерживающие использование достижений науки и технологии для улучшения умственных и физических возможностей человека с целью устранения страданий, болезней, старения и смерти» [3, с. 93].

жанра. Приходится признать, что в случае самого неблагоприятного сценария развития экологической ситуации именно с трансгуманизмом связана последняя надежда человечества.

Рассмотрим, какие рычаги для оптимизации существующего положения вещей дают нам перечисленные возможности. Но не будем упускать из виду, что все три блока концепций относятся к экологической группе и направлены на разрешение одной глобальной проблемы, именуемой экологической катастрофой. Эти три предлагаемых решения взаимообусловлены и не работают порознь, они не конкурируют, но дополняют друг друга.

Экологическое образование и воспитание. С трудностями внедрения «экологического сознания» мы все хорошо знакомы и вынуждены признать, что экологам, какими бы ужасающими ни были их прогнозы, пока не удастся напугать население до такой степени, чтобы перебороть потребительское отношение к природе. Помимо этого, очевидно, что экологические исследования и разработки, в силу своего широкого диапазона и не очень строго определенного характера, оказываются весьма привлекательными для некомпетентных и бессовестных людей — вследствие чего нередко становятся жертвами дилетантизма и популизма. Кроме того, поскольку доступные человечеству меры воздействия на экосистему очень незначительны в сравнении с масштабами этой самой системы (даже большие усилия дают исчезающе малый результат), дорогостоящие экологические мероприятия являются самым удобным полем для всевозможных финансовых махинаций и безотчетной растраты выделенных государством средств. Внушительные денежные вливания уходят в никуда, не оказывая ощутимого эффекта в плане

оптимизации экологической ситуации. Это обстоятельство рождает в рядовых гражданах ощущение бессмысленности и безнадежности усилий, что, в свою очередь, способствует поддержанию потребительского отношения к природе, побороть которое стремятся участники «зеленых» движений.

Сегодня об экологической угрозе не говорит только ленивый, поскольку считается, что никаких специальных знаний для рассуждений на эту животрепещущую тему не нужно. Приставка «эко-» присутствует на упаковках множества продовольственных товаров и чаще всего говорит только о том, что была сделана дополнительная наценка. Но повсеместное и постоянное напоминание об экологии оказывает дурную услугу серьезным экологам, поскольку опасность, к которой привыкают, перестает восприниматься как таковая. На память приходит репортаж, показанный по телевизору, о японском городе, в котором вот уже в течение нескольких лет продолжается сейсмическая активность. Выглядит забавно: люди, упавшие на землю в результате очередного подземного толчка, просто встают, отряхиваются и идут дальше по своим делам. Примерно так же обстоит дело на «экологическом фронте»: мы просто не обращаем на *катастрофу* внимания. Жизнь продолжается. А между тем положение действительно серьезное. Как отмечает Д. И. Дубровский, «чтобы не строить иллюзий, достаточно проследить за нарастанием ужасающих фактов деградации биологической среды, изменения климата и физических процессов на нашей планете. Такого рода факты систематически отслеживают, обобщают и публикуют многие международные научные центры и фонды, среди них важная роль принадлежит *Global Footprint Network* (см. отчеты этого фонда за последние годы). По его

данным человечество расходует сейчас за год такое количество ресурсов, которое наша планета способна воспроизвести лишь за полтора года (это касается не только биоресурсов, но также воды, воздуха и всего остального). Если сохранится текущий темп потребления, то к 2030 г. *понадобится вторая Земля*. Нетрудно представить, что уже в ближайшие годы резко обострится бескомпромиссная борьба за ресурсы» [1, с. 217]. Положение усугубляется тем, что экологический кризис выступает не в одиночку, а в тесной связи с обострением других глобальных проблем, с ростом социальных противоречий и конфликтов. Кульминация кризиса, как ожидается, должна прийти примерно на середину XXI столетия: «Научные исследования, расчеты и математические модели (например, знаменитая кривая Панова-Снукса) показывают, что к середине века, примерно к 2045 г., наша потребительская цивилизация вступит в фазу полифуркации (А. П. Назаретян и др.), “динамического хаоса”, как предпочитает говорить в своей статье В. С. Стёпин. Она подойдет к рубежу сингулярности, за которым либо деградация и гибель, либо переход на качественно новый этап развития» [1, с. 215].

Люди, обеспокоенные нарастанием глобальных изменений, объединились в рамках общественного движения, задачей которого является выработка стратегий противостояния надвигающемуся хаосу. В нашей стране это движение получило название «Россия 2045» (по году предполагаемого наступления кульминации). Оно было основано в 2011 г. предпринимателем Д. Ицковым при поддержке группы видных ученых и деятелей культуры и сегодня «насчитывает более 30 тысяч сторонников. Его активно поддерживают многие представители науки и философии в России

и за рубежом, среди них такие выдающиеся ученые современности, как патриарх кибернетики, основатель лаборатории искусственного интеллекта в Массачусетском технологическом институте Марвин Мински, технический директор Google Рэй Курцвейл, пионер в области протезирования отделов мозга Теодор Бергер, Роджер Пенроуз и Стюарт Хаммерофф, Джордж Черч, Хироси Исигуро и другие» [1, с. 216].

Активисты движения «Россия 2045» неустанно напоминают о надвигающейся экологической катастрофе, «стремясь активизировать тех “спокойных” философских деятелей, которые с комфортом обитают в своих привычных ментальных клише» (Д. И. Дубровский). Задачей участников движения является постоянное «раздражение» инертного массового субъекта, преодоление «спокойствия» интеллектуальной и политической элиты, с тем чтобы не дать человечеству забыться и перестать беспокоиться по поводу надвигающейся катастрофы только потому, что это приближение такое медленное.

Трансгуманизм. Сторонники движения «Россия 2045» связывают возможность выживания земной цивилизации с процессом антропотехнологической эволюции, которая уже идет полным ходом, и остановить ее не удастся никакими «философскими заклинаниями» (Д. И. Дубровский). Речь идет о стародавней идее трансгуманного продолжения биологической эволюции (человек — не венец творения, а переходное звено к технологической эволюции), которая в последнее время активно обсуждается и набирает все большее число как сторонников, так и противников. Больше всего проблем здесь связано с вопросом о сущности человека: удастся ли ее сохранить после переноса сознания на искусственный носитель? Конечно,

до практического воплощения этой идеи пока не дошло, но обдумывать проблемы нашего «постчеловеческого будущего» (Ф. Фукуяма [4]) уже можно. Именно возражения сторонников традиционного (христианского) гуманизма против внедрения новых технологий Д. И. Дубровский относит к «философским заклиниваниям». И в этом вопросе мы выражаем полную солидарность с ним: вопрос о сущности человека — это проблема не трансгуманизма, а гуманизма. Только после того, как ответ этот будет получен, на что особой надежды нет (поскольку за тысячелетия существования философии мы даже не приблизились к пониманию того, что есть человек), можно будет обвинять трансгуманизм в том, что, стремясь перестроить человека, приспособить его к обитанию в неблагоприятных условиях, он его, по сути, разрушает (уничтожает).

А до тех пор трансгуманизм связывает с развитием технологий основные надежды на будущее, полагая их способом коэволюции сознания, телесности и среды. «Новации на основе НБИКС-конвергенции быстро умножаются. Некоторые из них уже обрели стратегический статус, открывают новые пути преобразования природы человека и всей системы социальной жизни. Достаточно вспомнить создание искусственным путем первого одноклеточного организма Крейгом Вентером, значительные результаты в области расшифровки мозговых кодов психических явлений, создание протеза руки, управляемого из мозга, т. е. мысленно, более того — создание экзоскелета, позволяющего парализованному человеку вставать с инвалидной коляски, ходить и совершать различные действия. Значительны успехи технонауки на пути разработки искусственного тела и самоорганизующихся систем небиологического типа,

способных заменять или воспроизводить некоторые психические функции. <...> Остается добавить, что на пути к сверхзадаче — радикальному продлению жизни вплоть до кибернетического бессмертия — нас, несомненно, ждут выдающиеся открытия и изобретения. Они появляются уже сегодня и служат важнейшим практическим задачам» [1, с. 218—220].

При всем сочувствии и солидарности с замыслами движения «Россия 2045» приходится признать, что на сегодняшний день идеи трансгуманизма выглядят откровенно фантастическими. Кроме того, очевидно, что такой способ противостояния разрушению биосферы чрезвычайно затратен. Но крайне привлекателен. Несомненно, радикальные идеи перестройки человеческой телесности содержат огромный потенциал как с точки зрения практического приспособления человека к обитанию в различных враждебных средах (вплоть до открытого космоса), так и в плане уточнения чисто философского понимания сущности человека (полностью исключив телесность, мы окажемся лицом к лицу с его эссенцией, неотъемлемой сутью). Помимо этого, как говорит Д. И. Дубровский, пока мы решаем большую задачу, успеем получить много всякой другой пользы. Мы имеем в виду коренное изменение качества жизни инвалидов: давно пора прекратить «пропагандировать» инвалидность, уверяя население, что инвалиды *такие же* люди. Это далеко не так, иначе не было бы необходимости в создании для них особых условий. Нужно совершенствовать протезы, чтобы реально поднять качество жизни инвалидов — и современным технологиям это вполне под силу.

Качественная демография. Несмотря на все добрые слова и пожелания, которые мы можем адресовать сегодня

трансгуманизму, все-таки массовому потребителю еще очень долго придется ждать доступных результатов на этом направлении. Поэтому, на наш взгляд, на данный момент наиболее реалистичная стратегия и главная надежда социума на успешное приспособление к новым (неблагоприятным) условиям существования связана с радикальной реформой демографической политики.

Главным препятствием на этом направлении нам представляется ориентация проводимой сегодня демографической политики преимущественно на количественные показатели. Ее концепция базируется на том, что основное богатство государства — это его народ, а значит, чем больше населения, тем для страны лучше. Недавние законодательные инициативы в этой сфере придерживаются той же стратегии, хотя она уже в полной мере показала свою ущербность. Существует масса геополитических доказательств того, что для экономического процветания государства одной живой силы недостаточно. Подход к оценке людских ресурсов, не учитывающий различий между отдельными индивидами, является источником разнообразных демографических ошибок вроде кампаний, направленных на простое (недифференцированное) увеличение рождаемости. Тогда как современная экологическая ситуация требует прямо противоположных действий, т. е. сокращения численности населения (вспомним теорию «золотого миллиарда», раскритикованную, но не лишённую рационального зерна). Сделать это наиболее безболезненно для населения (не прибегая к программам расовой гигиены с их сегрегацией полов и принудительной стерилизацией) можно путем плавного снижения рождаемости. Достичь этого можно, например, установив обязательную демографическую норму

«не более двух детей на семью», — но это в будущем, а на современном этапе речь может идти только об изменениях в сознании населения, о смене ориентиров в репродуктивном поведении. Например, начать можно с официального признания отрицательного отношения к многодетным семьям. Неофициально такое отношение уже сложилось. В обыденном сознании многодетная семья — это плохо, потому что она не является самодостаточной, не может сама себя прокормить и самостоятельно решить свои проблемы. Семья с большим количеством детей (в официальных записях — «иждивенцев») постоянно пребывает «с протянутой рукой», не является самостоятельной экономической единицей, требует к себе особого отношения, дотаций, пенсий, государственных субсидий, решения квартирного вопроса и фактически является олицетворением и символом иждивенчества.

Давать руководящие указания государственным органам по поводу конкретных изменений в демографической политике — не наша задача и не наша компетенция. Но кое-какие соображения из области естественных наук и истории философии будет, вероятно, не лишне вспомнить. В начале статьи мы утверждали, что наличие разума ставит человеческое сообщество в исключительные условия, ограждая его от «благодетельного» воздействия естественного отбора и способствуя тем самым возникновению диспропорций в размножении людей. Как заметил еще преподобный Мальтус, численность населения растет гораздо быстрее, чем запасы продовольствия (геометрическая и арифметическая прогрессии соответственно). Современники Мальтуса были шокированы этим открытием, но со временем возникли новые источники пищи (более производительные сорта

сельскохозяйственных растений, соевые продукты, более плодовитые животные, морепродукты, синтетические протеины и т. д.), и это не то чтобы опровергло мальтузианские выкладки, но сделало их не такими однозначными и очевидными.

С другой стороны, с развитием медицины (особенно практики прививок) возросло и количество выживающих младенцев, вследствие чего население земли в течение XX в. увеличилось многократно (по разным подсчетам — от 7 до 10 раз). На наш взгляд, это достаточно веский довод (и разумное основание) для введения государственного контроля за размножением населения. Иными словами, дисбаланс, причиной которого стало появление разума, должен быть устранен разумными же методами. При этом, как замечает историк естествознания Ю. В. Чайковский, «не следует думать, что регуляция численности — изобретение высших форм жизни. Нет, к ней способны даже бактерии, вырабатывающие для этого целое семейство особых веществ. Это *бактериоцины* — короткие пептидные цепочки (20—70 аминокислот), синтезируемые специально для подавления численности, своей и чужой. <...> Оказывается, “мальтузианская” схема безудержного размножения, ограниченного только борьбой за внешний ресурс, точно описывает не эволюцию, а редкие патологии вроде нашествия саранчи, кончающиеся гибелью популяции, подверженной “мальтузианской” страсти. В остальной эволюции, как и в онтогенезе, всякий рост численности (молекул, клеток, организмов) строго подчинен той системе, частью которой объект является. Обилие семян и спермиев обычно, а обилие потомков, друг с другом конкурирующих — редкость. Все виды, не только животные, но и растительные и даже

бактериальные, обладают эффективными средствами регулирования своего размножения, ослабляющими и даже сводящими на нет конкуренцию внутри вида. Все нормальные популяции, начиная с молекулярного уровня, обладают жесткими механизмами регуляции своей численности, а все “мальтузианские” быстро гибнут» [5, с. 83].

Сравнение с раковой опухолью представляется особенно точным, поскольку это заболевание ведет к мучительной гибели всего организма. Именно эту картину мы наблюдаем сегодня на планете Земля: экологическая катастрофа. Остановить непомерное разрастание человеческой популяции — это минимум, что мы должны сделать. И, в отличие от чудесной пересадки сознания человека в высокотехнологичного аватара, сделать это нам вполне под силу уже сегодня. Разумная демографическая политика в данном случае должна выступить в роли своеобразного *бактериоцина*, препятствующего чрезмерному разрастанию человеческой популяции.

Не следует также упускать из виду, что цель полноценной семьи — не просто выкормить детей, но дать им достойное образование и воспитание, а в семье с большим количеством детей это невозможно по многим причинам. Одной любви к детям бывает недостаточно для всестороннего развития их способностей и интеллекта. К тому же, крайне нежелательно исключение родителей из общественной жизни, а в многодетной семье судьба по меньшей мере одного из родителей — это отказ от профессиональной деятельности, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Конечно, противоположная крайность, — мы имеем в виду новомодное движение *childfree*, — это явление, еще более пагубное с точки зрения общественного интереса, чем многодетность,

поскольку в число его приверженцев (людей, отказавшихся заводить детей по идейным соображениям) входят, как правило, молодые, хорошо обеспеченные, получившие высшее образование и профессионально состоявшиеся люди. Иными словами, именно те «особи», в потомстве которых общество особенно заинтересовано. В идеальном варианте в каждой семье должно быть три или даже два (если ориентироваться не на сохранение нынешней численности населения, а на плавное ее сокращение) ребенка.

Активная демографическая политика, ориентированная не только на регулировку численности населения, но и на контроль «качества» граждан (качественная демография), — это очень старая идея, одна из составляющих евгенической традиции. Еще Платон говорил, что «в государстве, где люди процветают, было бы нечестиво допустить беспорядочное совокупление или какие-нибудь такие дела, да и правители не позволят. <...> Ясно, что в дальнейшем мы учредим браки, по мере наших сил, насколько только можно, священные. А священными были бы браки наиболее полезные» [6, с. 255—256]. С подобной идеей выступал и Аристотель: «Не следует, кроме того, думать, будто каждый гражданин сам по себе; нет, все граждане принадлежат государству, потому что каждый из них является частицей государства» [7, с. 628].

Данная формулировка (к тому же дважды повторенная самими авторитетными мыслителями всех времен) раскрывает действительный смысл евгеники (в современном прочтении — качественной демографии), целью которой является вовсе не счастье отдельно взятого гражданина, а благоденствие государства. Именно об этот «камень преткновения» запинались многие

радетели человечества, желавшие ему только добра, но проектировавшие исключительно диктатуры разной степени жесткости. В позднейшие времена, когда «принадлежность» граждан государству стала не такой самоочевидной, как во времена Античности, этот нюанс был упущен из виду. Отсюда, как представляется, берут начало многие проблемы евгеники классического периода. Споры вокруг «этического» статуса евгеники являются следствием того, что цель евгенических манипуляций не была объявлена прямо и постоянно маскировалась под служение на благо людей. Ни сами евгенисты, ни их многочисленные оппоненты не придали значения обстоятельству, замеченному уже античными авторами: усовершенствование человеческого *рода* возможно только при условии *принадлежности* человека общности более высокого порядка. И оно не имеет ничего общего со счастьем индивида, а только с процветанием этой самой общности. Другими словами, для евгеники человек не цель (и никогда ею не являлся), но средство для достижения цели, лежащей за его пределами. Точно так же и сегодняшние нормативы качественной демографии имеют целью не столько счастье отдельно взятых людей, сколько поддержание окружающей среды в жизнеспособном состоянии. Признание этого факта поможет избежать напрасных упреков в адрес евгеники, состоящих в том, что она попирает нормы традиционной морали и призывает к использованию антигуманных методов, поскольку и то, и другое присуще ей по определению. Но давно следует признать, что, не принося никаких жертв, разрешить экологический кризис невозможно. Сегодня это должен понимать каждый. Львиная доля «экологического воспитания» должна прийти на внедрение в сознание людей готовности

пожертвовать своим комфортом и привычками (вплоть до ограничения потребления!) ради того, чтобы сохранить жизненное пространство для грядущих поколений. Самоограничение — в потреблении ресурсов и воспроизводстве потомства — это та минимальная поддержка, которую мы можем и должны оказать природе в ее «борьбе за выживание».

Открытое признание того факта, что в области демографии мы готовы прибегнуть к непопулярным мерам и что целью новой политики является не борьба за дополнительные голоса на выборах, а снижение экологической напряженности, должно, на наш взгляд, снизить напор критики сторонников традиционных способов продолжения рода. Люди с трудом расстаются со своими привычками, особенно если они прожили долгую жизнь и считают, что то, как было заведено у них в семье, — это и есть самый правильный, *присущий человеку* образ жизни. А все, что угрожает этому укладу, нарушает освященные веками традиции и противоречит моральным установкам. Тем не менее любой, кто знаком с историей или с другими национальными укладами, понимает, что изменение обычаев — это еще не отказ от человеческой сущности.

Демографическая политика позволяет также до некоторой степени управлять «качественным» составом населения, поощряя к размножению те группы, которые представляют для государства наибольшую ценность. Например, если нам не хватает сельских учителей и врачей, то именно они должны становиться целевой группой программ наподобие «материнского капитала». И в любом случае следует исключить из мероприятий, направленных на увеличение рождаемости, жителей мегаполисов.

Еще одним рычагом управления

качеством населения может быть старый добрый налог на бездетность, только применять его следует не уравнилельно, как было заведено при советской власти, а выборочно. Так, в целях улучшения здоровья потомства было бы полезно облагать этим налогом граждан оптимального детородного возраста, например женщин 18—25 лет и мужчин 20—40 лет. Разумеется, возрастные группы могут быть определены иначе. Но в случае женщин указанные рамки определяются исходя из объективных, биологических соображений: рождение детей до 18 лет — плохо для здоровья женщины, а после 25 — опасно для здоровья ребенка. Мужчины не так строго ограничены биологией, но хорошо бы учесть и то, что именно на отца семейства в норме ложится основная нагрузка по материальному обеспечению семьи и потомства, а значит, желательно, чтобы до совершеннолетия детей он не успел достичь пенсионного возраста. Кроме того, очень ценно участие мужчины в воспитании, а с учетом этого, как отмечал Аристотель, «не следует допускать слишком большой разницы в годах между детьми и отцами (ведь в таком случае для стариков оказывается бесполезной признательность со стороны детей, а для детей — помощь со стороны отцов). Но не должно быть и слишком большой близости по возрасту: эта близость возрастов представляет большое неудобство, потому что, с одной стороны, дети, как почти сверстники своих отцов, питают к последним чувство почтения в меньшей степени, а с другой стороны, и в домашнем обиходе возникает тогда много поводов ко всякого рода распрям» [7, с. 621].

В заключение еще раз заметим, что приведенные выше меры управления численностью и составом населения, при всей их мягкости, обычно вызывают

негативную реакцию. Это связано с вековой традицией рассматривать рождение детей как главную (а для многих семей — единственную) цель жизни человека, а также как сферу его личной свободы, вмешиваться в которую дозволено лишь Господу Богу. Но сегодня, когда библейский завет «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» многократно перевыполнен, следует задуматься: так ли важно наличие у человека потомства, или весомее его личностная значимость и вклад, который он оставляет после себя в общечеловеческой культурной копилке? Признавая двойственность (биосоциальность) природы человека, какой из этих двух составляющих следует отдавать предпочтение, когда речь идет о благоденствии цивилизации? Что должно определять «брачное поведение» человека: животные инстинкты, стремление во что бы то ни стало произвести потомство — или подчинение интересам рода в целом, для которого, возможно, особи с генотипом этого конкретного человека не представляют никакой ценности?

Но главное, повторим еще раз, что меры качественной демографии — это вынужденная необходимость. Любить их совершенно не обязательно, но надо четко представлять себе, что единственная альтернатива ограничительной демографической политики — это катастрофическое перенаселение, со всеми вытекающими последствиями.

И еще один момент: для того, чтобы меры качественной демографии можно было претворить в жизнь, необходимо *единое* человечество, единый мир. В мире, разделенном на государства (реальном мире), ответ обывателя на предложение ограничить прирост населения обычно звучит так: «А почему мы должны сокращать рождаемость? Пусть это сделают китайцы!» Таким образом,

мы вынуждены признать, что и качественная демография в роли стратегии выживания оказывается не менее фантастической, чем трансгуманизм или добровольное и неукоснительное следование природоохранным требованиям.

Литература

1. **Дубровский Д. И.** К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции (ответ П. Д. Тищенко) // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 214—220.
2. **Кольцов Н. К.** Улучшение человеческой породы // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1, вып. 1. С. 3—27.
3. **Лотто Б.** Преломление. Наука видеть иначе = Deviate. The Science of Seeing Differently / Пер. с англ. Т. Землеруб. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 368 с.
4. **Фукуяма Ф.** Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: АСТ: Люкс, 2004. 349 с. (Philosophy).
5. **Чайковский Ю. В.** Эволюция. М.: Центр системных исследований, 2003. 472 с. (Ценологические исследования; вып. 22).
6. **Платон.** Государство // Сочинения: в 3 т. Т. 3, ч. 1. М.: Мысль, 1971. С. 89—454.
7. **Аристотель.** Политика // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 375—644.

Поступила 09.01.2018

Хен Юлия Вонховна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук (109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, 12), hen@iph.ras.ru

References

1. Dubrovskii D. I. K voprosu o global'nom budushchem i transgumanisticheskoi evolyutsii (otvet P. D. Tishchenko) (About Global Future and Trans-Humanistic Evolution (Answer to P. D. Tishchenko)), *Voprosy filosofii*, 2015, No. 3, pp. 214—220.
2. Kol'tsov N. K. Uluchshenie chelovecheskoi porody (Human Breeding), *Russkii evgenicheskii zhurnal*, 1922, T. 1, vyp. 1, pp. 3—27.
3. Lotto B. Prelomlenie. Nauka videt' inache (Deviate. The Science of Seeing Differently), Per. s angl. T. Zemlerub, M., Mann, Ivanov i Ferber, 2018. 368 p.
4. Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoi

revolyutsii (Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution), M., AST, Lyuks, 2004, 349 p., Philosophy.

Submitted 09.01.2018

5. Chaikovskii Yu. V. Evolyutsiya (Evolution), M., Tsentr sistemnykh issledovaniy, 2003, 472 p., Tsenologicheskie issledovaniya, vyp. 22.

6. Platon. Gosudarstvo (The Republic), *Sochineniya, v 3 t.*, T. 3, ch. 1, M., Mysl', 1971, pp. 89—454.

7. Aristotel'. Politika (Politics), *Sochineniya, v 4 t.*, T. 4, M., Mysl', 1984, pp. 375—644.

Khen Julia V., DSc in Philosophy, Main Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russia), hen@iph.ras.ru